

СНАЙПЕР

СНАЙПЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН СЕВЕРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С36

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Иллюстрация — *Руденко А. И.*

Ранее книга издавалась под названием
«Кремль 2222. Север»

Силлов, Дмитрий Олегович.
С36 Закон Севера : [фантастический роман] / Дмитрий
Силлов. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. —
(Снайпер Дмитрий Силлов).

ISBN 978-5-17-160056-3

Когда сила превращается в слабость, когда забирают самое
дорогое, когда враг лишает цели, жизнь подчас теряет смысл.

Но так бывает у обычных людей. Снайпер — другое дело. Даже
если отнять у него всё, он попросту выберет новую цель.

И теперь ею станет месть.

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160056-3

© Силлов Д.О., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

ХРОНОЛОГИЯ РОМАНОВ О СНАЙПЕРЕ

СТАЛКЕР. Закон проклятого
СТАЛКЕР. Закон Зоны
СНАЙПЕР. Закон юга
СТАЛКЕР. Закон стрелка
СТАЛКЕР. Закон шрама
СНАЙПЕР. Закон Северо-Запада
СНАЙПЕР. Закон Севера
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер
РОЗА МИРОВ. Закон дракона
СТАЛКЕР. Закон Шухарта
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти
СНАЙПЕР. Закон Хармонта
КРЕМЛЬ 2222. Петербург
КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево
СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»
СТАЛКЕР. Закон Призрака
СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон долга
СТАЛКЕР. Закон свободы
СТАЛКЕР. Закон монолита
СНАЙПЕР. Закон столицы
СТАЛКЕР. Закон сталкера
СТАЛКЕР. Закон торговца
СТАЛКЕР. Закон крови
СТАЛКЕР. Закон Охотника
СТАЛКЕР. Закон Припяти
СТАЛКЕР. Закон якудзы
СТАЛКЕР. Закон лесника
СТАЛКЕР. Закон выживших
СТАЛКЕР. Закон бандита
СТАЛКЕР. Закон Черного сталкера
СТАЛКЕР. Закон Чернобыля
СТАЛКЕР. Закон мутанта
СНАЙПЕР. Закон войны
СТАЛКЕР. Закон затона
СНАЙПЕР. Закон меча
СНАЙПЕР. Закон Кремля
СТАЛКЕР. Закон «Бритвы»
СТАЛКЕР. Закон Фукусимы
СНАЙПЕР. Закон хабара
СТАЛКЕР. Закон кровососа
СТАЛКЕР. Закон Выброса

*Мое ремесло — возмездие,
мой промысел — месть.*

Фридрих Шиллер.

«Разбойники»

Почему нам так нравятся стервы?

Потому, что стервы красивые. А еще потому, что их непросто завоевать... и еще труднее удержать. Любить стерву — это вечный бой. Но если ты выиграешь и она полюбит тебя, то ты будешь счастливым человеком... некоторое время.

До следующей битвы...

Но сейчас я был действительно, по-настоящему счастлив. Ведь рядом со мной шла моя любимая стерва, ради меня прошедшая через пространство и время. Вот почему мужики, чья исчерченная шрамами шкура напоминает тактическую карту боевых действий, любят именно таких, с фигурами амазонок и глазами цвета чистого неба. Эти девушки — настоящие воины, способные свернуть горы ради своей цели. И как же приятно осознавать, что эта цель — ты... пусть даже на очень короткое время...

Мы шли среди мертвых руин разрушенного города, говоря о чем-то и смеясь без особой причины, как сотни и тысячи влюбленных в нашем мире, теперь уже потертанном для нас навсегда. Но сейчас это было неважно. Оказывается, иногда необходимо пробить границу времени и миров лишь для того, чтобы осознать, насколько дорог тебе любимый человек.

Сейчас здесь, в мире смерти, я впервые узнал, что такое счастье. Моя единственная на свете стервочка с лазурными глазами носила под сердцем моего ребенка. Она любила

меня, а я любил ее. И что еще может быть нужно от жизни такому, как я, побитому жизнью волчаре, умеющему лишь одно — убивать искусно, хладнокровно и безжалостно? Разве только дом... Да даже не дом, черт с ним, сойдет и тот самый пресловутый шалаш, в котором я непременно построю для нас настоящий рай из старинной поговорки...

— У меня есть для тебя подарок, — сказал я, расстегивая клапан камуфляжа на груди.

Она улыбнулась. Черт возьми, как я мог уйти так далеко от этой улыбки?

А дальше я даже не понял, что произошло. Просто коротко звякнуло «дочкино ожерелье», висящее у нее на шее. Звякнуло — и медленно, очень медленно распалось на отдельные бесцветные бусины, которые, соскользнув с нити, вдруг покатались по высокой груди моей жены... Я невольно протянул руку вперед, пытаюсь их поймать, — и вдруг осознал, что в том месте, где разорвалась нить, прямо в межключичной ямке торчит короткое деревянное оперение арбалетного болта...

В ее глазах были растерянность и обида. Она не верила, что это — всё... И я не верил... а тем временем мозг, привыкший мгновенно переключаться в режим боя, уже выдавал информацию: «Ранение смертельное... пробиты трахея и пищевод, перебит позвоночник... ничем помочь нельзя... противник в развалинах слева... дампы...»

Это и вправду были они, жуткие порождения зараженной земли. Двести лет назад отгремела в этом мире Третья мировая война, а изуродованные радиацией злобные мутанты все еще жили в развалинах и подземельях разрушенной Москвы.

Но этим тварям жить оставалось недолго...

Мне казалось, что я разрываюсь на части. Одна моя половина рвалась к медленно оседающему на землю телу — поддержать, осторожно уложить на раскрошенный асфальт,

сказать что-то, глядя в глаза, которые медленно затягивает пелена смерти. Но в это же время вторая половина меня, рациональная и холодная, как ствол автомата, уже успела передернуть затвор АК и уйти в перекаат, спасаясь от возможной второй стрелы.

А потом я увидел их...

Пятеро дампов бежали ко мне, разворачиваясь в полукольцо. Вооружение стандартное — два копьа-длинномера, топор, шестопер и полуторный меч-«бастард» в руках у главного. Живые мумии, отравленные радиацией полутрупы, обмотанные грязными тряпками... Забравшие жизнь у той, кто была мне дороже жизни...

Я почувствовал, как горячая багровая волна поднимается от солнечного сплетения, затапливая мое сердце, горло, сознание... Я знал, что это такое. Страшное состояние, однажды наступающее любого воина... Многие рукопашники, испытав это, бросают спорт. Потому что, владея определенными навыками, можно в приступе боевого безумия запросто убить человека, а потом просто не вспомнить, как и что делал. Было до... и сразу наступило после... И вот у твоих ног лежит труп... Или несколько... А ты не помнишь ни черта и стоишь, тупо глядя на изломанные тобой куклы, только что бывшие живыми людьми.

Сейчас здесь не было людей. Да и я уже не был человеком... Но прежде, чем багровая волна накрыла меня с головой, я успел заметить на куче бетонных обломков фигуру с арбалетом наперевес.

Я дал длинную очередь, уже не надеясь, что попаду. Потом бросил бесполезный автомат и выдернул из ножен два боевых ножа. В приступе боевого безумия можно только бить, рубить и рвать врагов зубами. Все остальное — от человека. А человеком я уже не был...

* * *

Кровь колотилась в виски изнутри черепа. Тук-тук-тук... Так бывает, когда отлежишь уши, накрывшись с головой большой подушкой.

Тук-тук-тук...

Обязательно надо проснуться, потому что это мерное постукивание начинает раздражать. Просто открыть глаза, сбросить проклятую подушку, перевернуться на другой бок — и постараться забыть кошмарный сон, в котором я обрел и тут же потерял свое единственное счастье...

Тук-тук-тук...

Но почему отступающая завеса сна такая красная? Обратной стороне век, которую видит просыпающийся, положено быть черной. Или ярко-желтой, если солнце бьет прямо в лицо.

Тук... тук...

И тут я увидел... тень от своей руки... медленно поднимающейся и опускающейся вниз...

Тук...

Я почувствовал, как ребро моей ладони опустилось во что-то теплое и мягкое.

И вдруг увидел всё...

Развалины старого дома, поросшие темно-вишневой травой и увитые плющом того же цвета. Изуродованные куски плоти, разбросанные по этой траве. И свою руку с зажатым в ней ножом... Все вокруг было вишнево-красным, с редкими вкраплениями белых осколков костей и сероватых брызг мозгового вещества. А размеренное «тук-тук» было не пульсом в моих висках, а отзвуками ударов. Просто я, стоя на коленях, методично разносил голову мертвого дампа острым наконечником рукоятки боевого ножа.

Значит, я убил их. Арбалетчик тоже был мертв. Не знаю, как я его убил — очередью из АК или ножом. Но пострадал он явно меньше, чем его товарищи. Почти целый, он валялся метрах в десяти от меня. Его заряженный тяжелый арбалет со стремянем на конце лежал рядом. Надо же, как быстро он научился его перезаряжать...

Это были лишние мысли. Так называемый внутренний диалог с самим собой, который не в силах остановить даже самое великое горе... Я медленно встал с колен, рефлекторно тряхнул рукой, словно это могло помочь очистить ее от кровищи и костяной крошки, и поплелся к трупу моей жены.

Брехня это, что в таких случаях мужик бьется головой о стену и рыдает, словно баба. Может, кто и рыдает. А из меня одним-единственным выстрелом дампы выбили все эмоции, которых и без того было не так уж и много. Сил тоже не было — их выпил приступ, в котором я убил всех дампов, не получив при этом ни царапины. Я слышал, что тренированный человек в таком состоянии способен двигаться очень быстро, слишком быстро для того, чтобы можно было осознать его движения и среагировать на них. И все-таки жаль, что дампы меня не убили... Хотя нет, хорошо, что я жив. Кто бы тогда вырыл могилу для нее?

Она смотрела в небо. Темное, хмурое и грязное, несравнимое с цветом ее глаз, даже после смерти не утративших своей лазурной чистоты.

Я вновь встал на колени и, приподняв ее голову, осторожно срезал окровавленным «Сталкером» наконечник арбалетного болта, запутавшегося в ее волосах. Оперенная смерть, выпущенная дампом, пробила шею насквозь, и иначе стрелу было не вытащить. Ничего. Я потом вынул из наконечника остатки древка и вновь плотно насажу его обратно. Не страшно, что болт станет немного

короче. Я вернусь и этим огрызком методично выковыряю глаза того арбалетчика. А потом буду медленно резать его на фрагменты. Плохо, что он умер быстро. И в то же время хорошо, что он лежал подальше, чем другие дампы, и я просто не успел в приступе беспамятства до него добраться.

Но сначала надо было вырыть могилу. Жаль, что я не захватил с собой малую саперную лопатку, предпочтя набрать побольше патронов. Но зато боевых ножей у меня было два...

Я долбил землю, перемешанную с асфальтовой крошкой, равнодушно понимая, что очень скоро рухну рядом со своей мертвой женой от нереальной усталости — боевое безумие выпивает все силы почти мгновенно. Но мне было абсолютно все равно. Мне надо было выкопать могилу. Остальное — неважно.

В спрессованной от времени земле было полно всякой дряни. Небольшие обломки бетона я выворачивал из земли руками. Битый кирпич осложнял работу, но его было немного. А обломки древнего асфальта просто крошились под ударами «Сталкера». Боевой нож, подаренный мне умирающим собакоголовым, рассекал древний мусор словно куски пенопласта, правда, клинок скрипел при этом словно живое существо, недовольное таким варварским обращением. Но мне было все равно...

Я работал без остановки, словно запрограммированный автомат. Пару раз мне попались чьи-то пожелтевшие от времени кости и куски насквозь проржавевшего металла, когда-то бывшие стволами огнестрельного оружия. На этой земле много воевали. И часто умирали.

Кожа с моих ладоней сползла, словно промокшая бумага, ссадины саднили немилосердно. Но это была нужная боль, благодаря которой я пока еще от усталости не рухнул вниз, на дно могилы. Наконец, я шел, что она достаточно

глубока для того, чтобы местные твари не смогли ночью отрыть и сожрать тело. Тогда я сунул в чехол нож, измазанный грязью и кровью, и вылез наверх.

Я ничего не забрал у нее, хотя многие назвали бы меня безумцем. Как и положено воину, в могилу она легла вместе со всем ее снаряжением, включая автомат «Вал», который здесь наверняка стоил целое состояние. Я не взял ничего, лишь собрал с земли бесцветные бусинки «дочкин-ного ожерелья» и бережно сложил их в нагрудный карман комбинезона. На ближайшем привале я зашью их в кусок материи и повешу на шею. Пусть висят рядом с навсегда опустевшим сердцем...

Я засыпал могилу и привалил ее тяжелым куском бетона. Когда земля просядет, уже никто не догадается, что под вросшим в траву обломком лежит настоящее сокровище... Мое сокровище, утраченное навсегда...

Мне очень хотелось рухнуть на землю и провести рядом с моей женой нашу последнюю ночь. Но в то же время я осознавал, что тогда эта ночь станет последней и для меня тоже. А у меня еще было два дела. Сшить мешочек для бусин, а потом заняться трупом арбалетчика. Это были два очень важных дела, и никак нельзя допустить, чтобы какой-нибудь ночной охотник-мутант застал меня врасплох.

Арбалетчика я решил оставить на утро. Уже смеркалось, а такое серьезное дело, как неспешное потрошение трупа врага, лучше делать при утреннем свете. Потому я осмотрелся, заметил невдалеке более-менее сохранившееся здание и, взвалив на плечи свой рюкзак, побрел туда...

По всей видимости, здание когда-то давно было детским садом типовой постройки. Левая часть его просто развалилась от времени, а правая устояла, правда, при этом почти наполовину вросла в землю. Виднелись лишь забитые землей узкие черные проемы, некогда бывшие окнами первого этажа. Сейчас от них остались лишь прямоугольные

дыры, напоминающие амбразуры дота. Зато второй этаж, ставший первым и единственным, сохранился довольно неплохо. Три чудом сохранившиеся стены обещали защиту с флангов и с тыла в случае внезапного нападения, а местами сохранившаяся крыша — укрытие от дождя, судя по тяжелым тучам, грозившего хлынуть с минуты на минуту.

Я чисто на автомате доплелся до ненадежного укрытия и, слегка пригнувшись, вошел прямо в окно, давным-давно утратившее и стекла, и раму.

Как и ожидалось, пол и перекрытия сгнили много лет назад. Вместо пола была всё та же земля, перемешанная с асфальтовой крошкой. Судя по кучкам засохшего дерьма, валявшимся по углам, этот обломок прошлого уже давно служил временным пристанищем для одиноких путников... Одиноких... Теперь это сто процентов про меня... Во время моих путешествий меня всегда потаенно грела мысль, что она ждет моего возвращения... Сейчас уже точно никто не ждет, кроме трупа дампа, которым я займусь поутру...

Я очень плохо помню, как привычными движениями развел костер, как грыз что-то, тупо пялясь в огонь... Как, вспомнив, что у меня есть неотложное дело, шил негнуцимися пальцами мешочек для бусин из обрывка камуфляжа и парашютной стропы, позаимствованной на складе маркитантов. Как, ссыпав в него драгоценную память об утраченной любви, зашил намертво и повесил на шею... Все это было словно в тумане и происходило не со мной. Тело совершало какие-то движения, а сознание пребывало в глубоком ступоре, лишь изредка просыпаясь — и вновь проваливаясь в пучину тупого равнодушия...

Вот и сейчас меня словно толкнуло что-то. Так камень, брошенный в середину мертвого озера, ненадолго тревожит черную гладь отравленной воды...

Снаружи шел дождь, и сквозь шум падающих капель я отчетливо расслышал чьи-то шаги. Ночной гость шел не

скрываясь. Он был уверен в своей силе и, возможно, рассчитывал на легкую добычу.

Я же с удивлением обнаружил, что сижу правым боком к огню, возле меня расстелен кусок брезента, а на нем в образцовом порядке разложены детали автомата, из которого я стрелял по дампам. Понятно. Пока мое сознание пребывало в некоем подобии комы, руки рефлекторно чистили и смазывали АК...

Я криво усмехнулся. А нужно ли оно, то самое человеческое сознание, приделанное к огнестрельному оружию? И чем я лучше серва Коляна, запрограммированного на обслуживание боевой машины? Только что трупами не питаюсь. Хотя, когда кончатся консервы, почему нет? Какая разница, какие белки жрать — из восстановленных консервов или свежие, натуральные?

Шаги приближались. Собрать автомат уже не было времени, а расчехлять СВД — желания. Суесться не хотелось. Для чего? Чтобы выжить? А на хрена мне жить теперь? Но сдохнуть все-таки нужно правильно. Ведь она тоже умерла как воин, с оружием в руках...

Я достал оба ножа, краем глаза отметив, что у заляпанного землей и засохшей кровью «Сталкера» безнадежно завалена режущая кромка. Не боевой нож, а железяка с ручкой из резинопластика. Удивительно, как «Сталкер» вообще не сломался, когда я со всей дури всаживал его в землю, кроша клинком бетонные и кирпичные обломки. Впрочем, «убитого» ножа хватит вполне для того, чтобы еще разок всадить его в чье-то сердце.

Синхронным движением кистей я повернул ножи в положение обратного хвата, прижав клинки к внутренней стороне предплечий. Незачем светить перед вероятным противником наличие оружия. В моей бетонной пещере лишь один вход, и врагу, перед тем как атаковать, хочешь не хочешь, а придется, пусть на мгновение, вступить в полосу